

Pospíšil, Ivo

Резюме

In: Pospíšil, Ivo. *Ruská románová kronika : příspěvek k historii a teorii žánru*. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1983, pp. 121-124

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121901>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РЕЗЮМ

Автор настоящей работы стремился рассмотреть основные проблемы теории русского романа-хроники, ее генезиса и поэтики. Из сравнения нескольких моделей типологии романа исходит и попытка классифицировать роман-хронику и включить его в генеалогическую систему. Наряду с „драматическим“ романом и романом характера приводятся романы, выделяющие временной элемент, в том числе генерационный роман, циклический роман, роман-эпопея и роман-хроника. В результате анализа делается вывод, что в специальной литературе, посвященной роману-хронике, нет единства мнений, что роман-хронику до сих пор не удалось точно определить. В работе рассматриваются трудности при определении жанра, отраженные например в статьях А. Бушмина, К. Н. Григорьяна, Б. Зелинского, И. В. Столяровой, М. С. Горячкиной, К. Головина, Б. М. Другова и В. Троицкого. Упоминается также и о переоценке типологии романа теоретиками „нравоописательных жанров“ (Г. Н. Поспелов, Л. В. Чернец). В предлагаемой работе роман-хроника определяется как тип романа, характеризующийся пульсацией художественного пространства, непрекращаемым и „тормозимым“ потоком времени, особым сюжетом, характерами и другими явлениями поэтики. Роман-хроника восстанавливает гармоничное отношение между художественным временем и пространством и посредством „закрытого“ пространства реагирует на крупные социальные изменения, происходящие в первой половине XIX века.

Русский роман-хроника изучался на материале двенадцати произведений (С. Т. Аксаков, „Семейная хроника“, 1856 г.; он же, „Детские годы Багрова-внука“, 1858 г.; Н. С. Лесков, „Старые годы в селе Плодомасове“, 1869 г.; он же, „Соборяне“, 1872 г.; он же, „Захудалый род“, 1874 г.; М. Е. Салтыков-Щедрин, „Господа Головлевы“, 1880 г.; он же, „Пошехонская старина“, 1887—1889 гг.; М. Горький, „Городок Окуров“, 1909 г.; он же, „Жизнь Матвея Кожемякина“, 1910—1911 гг.; Л. Леонов, „Петушкинские пролом“, 1922 г.; он же, „Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гоголеве Андреем Петровичем Ковякиным“, 1923 г.; К. Федин, „Наровчатская хроника“, 1924—1925 гг.).

Характеристика жанра дана в работе на основе концепции художественного времени-пространства (хронотопа), приблизительно сходной с пониманием М. Бахтина. Художественный хронотоп как отражение реального времени-пространства можно использовать в области генеалогии, в том числе и при определении романа-хроники. Анализ пространственно-временных отношений обнаруживает специфику исследуемого жанра. Пространство романа-хроники характеризуется развитой деталью, а также явлением, которое здесь называется „пространственная пульсация“. В работе показано, что это сравнительно закрытое „пульсирующее“ пространство находится в тесной связи с образованием автономного потока времени. Термин „хроникальная пространственная пульсация“ употребляется в этой работе условно. Пульсация понимается не как естественное ритмическое движение, а как неравномерное изменение пространственной амплитуды.

Основной чертой хроникального времени является тяготение к его остановке или замедлению. Эта тенденция проявляется в частоте сказа, в преобладании одного временного ряда и в понимании событий прошлого, настоящего и будущего.

Пространственно-временные отношения могут определять основные черты жанра или его типа; однако, они не способны полностью определить его границу. Проблема границы жанра в предлагаемой работе рассматривается как кардинальная. С целью ее решения использовалась сеть генологических доминант (рассказчик, функция повествования). Благодаря этому удалось отделить роман-хронику от мемуаров (посредством рассказчика) и от психологического романа личности (функция повествования). Другие типы романов, основанные, преимущественно, на художественном времени, отличаются от романа-хроники пространственно-временными отношениями: концепция одного временного ряда отличает его от генерационного и циклического романа; пространственная пульсация и доминирующая сюжетная линия отличают его от романа-реки, романа-саги и романа-эпопеи.

В первой главе характеризуются основные черты русского романа-хроники, главным образом, его пространственно-временные отношения; во второй главе исследуется его генеалогическая модель. Исходным пунктом служили русские источники, но учитывались и некоторые другие факторы (сентиментализм, идиллия, плутовский роман). Роман-хроника отличается от древнерусской летописи постоянным ощущением времени и пространства, в которых человек перемещается. Источники романа-хроники обнаруживаются в более древних русских произведениях, а именно в „Житии протопопа Аввакума“ (1672—1675 гг.), в котором интенсивно ощущается время; здесь присутствует тема смерти, связанная с хроникальной концепцией одного временного ряда; здесь нашли отражение и противоречие природы и общества, а также встречаются традиционные сюжеты, интегрированные в рамках повествования. Те же качества в России XVIII века культивируются сентиментализмом, реализующим просветительскую концепцию себялюбия и естественного состояния. Сентименталистское понимание себялюбия рассматривается как интеграционный принцип, из которого исходит поэтика дома и семьи. Дезинтеграционным принципом является понимание естественного состояния, из которого исходит дихотомия сентименталистского мира. Сентиментализм представляет собой противоречивое направление, содержащее два идеальных и морфологических ядра: тяготение к экстенсивности (дом, семья, категория спокойствия) и к интенсивности (культ чувственности без морального корректива). Русский сентиментализм сосредоточился на экстенсивном ядре: поэтому он мог скорее, чем его западноевропейский вариант, лечь в основу романа-хроники. Роман-хроника обнаруживает также связь с плутовским романом, например в „Российском Жил-Блазе“ (1814 г.) В. Т. Нарезного. Для этого романа характерна дихотомия: два уровня повествования, два пространственных центра, две сюжетные линии. Одна часть сохраняет плутовское начало, другая становится основой хроники. Авторы романов-хроник вдохновлялись и псевдоисторической прозой, например пушкинской „Историей села Горюхина“ (1830 г.), которая представляет собой модель техники возникновения хроники из исторической прозы. Следующий источник романа-хроники восходит к ранним произведениям С. Т. Аксакова, содержащим категорию художественной детали, которая становится „строительным камнем“ произведения (хроникальная поэтика конкретного). Показаны также существенные сдвиги в пространстве (одно место действия) и во времени (столкновение циклического и линейного времени).

Самая обширная часть работы посвящена некоторым вопросам поэтики. Автор работы возвращается к пространственно-временным отношениям, которые анализируются начиная с произведений С. Т. Аксакова по М. Горького. В работе подвергается проверке предположение, что пространственно-временные отношения реализуют идейную доминанту произведения. У М. Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького постепенно ликвидируется пространственная пульсация и происходят сдвиги в структуре художественного времени. Сдвиги в пространственно-временной доминанте

отражаются в названии хроники, в сюжете, в начале и в концовке текста. Делается вывод о том, что название романа-хроники свидетельствует не только об индивидуальных замыслах автора, но также и о жанровой природе произведения или о возможной трансформации жанра или жанрового типа. В сюжете романа-хроники выделяются три эпические линии (доминантная, формативная и цецепобразная) и вставные новеллы, децентрализирующие сюжет, замедляющие художественное время и описывающие героев и социальную среду. Доминантные и формативные линии носят центростремительный характер, цецепобразные линии и вставные линии (новеллы) по своей природе являются центробежными. Путем соединения упомянутых элементов возникает сложное и противоречивое художественное целое, занимающее особое место среди остальных типов романа.

Начало романа-хроники выражает пространственные отношения, концовка определяет скорее временную модель жанра. В части работы, посвященной автору, рассказчику и хроникальным характеристам, подчеркивается преобладание сказа, который становится идейным ядром, функционирующим на фоне повествования от третьего лица. Хроникальные характеры отражают отдельные особенности среды (местный стихоплет, интеллигент, староста, протститутка). Некоторые другие элементы сентименталистской поэтики и описание природы у С. Т. Аксакова свидетельствуют и гипертрофии художественной детали. Это явление называется „поэтикой конкретного“. В работе показано ее развитие начиная с хроник С. Т. Аксакова по романы-хроники М. Горького и подчеркнута зависимость от общей концепции художественного хронотопа. Русский роман-хроника характеризуется также и наличием категории необыкновенного, которая, однако, в отличие от романтизма, иллюстрирует не иррациональность мира, а, наоборот, его доступность познанию и человеческое начало. Эта категория зачастую реализуется в форме символических образов, которые представляют собой напластования состояний и бытия человека (красота, любовь, печаль, жизнь—смерть, добро—зло, лицо—маска). Анализ символов и областей, из которых они заимствованы, свидетельствует о дихотомии произведения. Антиномии нравственных ценностей исследуются в рамках корреляций старое — новое, дом — мир и природа — культура. Их истоки обнаруживаются еще в поэтике сентименталистов. Сдвиги в пространственно-временной структуре хроники приводят, в конце концов, к предельным явлениям поэтики жанра. Три произведения Л. Леонова и К. Федина демонстрируют распад жанровой структуры и ее модификации под давлением революционной действительности.

Анализ определенных произведений, характеризующихся общими чертами, тесно связывается с историко-литературной концепцией русской литературы XIX века и начала XX века. Исследуются известные произведения, которые, однако, стоят, как принято говорить, в стороне от магистрального пути развития русской литературы. Цель настоящей работы заключалась, следовательно, и в своего рода „реабилитации“ жанрового типа романа-хроники, который по мнению автора работы, оказал значительное влияние на поэтику русской прозы. Исследуемый жанр представляет собой отражение сложных и внутренне противоречивых путей русского человека к представлениям о социально справедливом общественном строе. Работа была, однако, задумана не как историко-литературная, а скорее как теоретическая. Поэтому анализу были подвергнуты не все произведения данного жанрового типа, а только самые характерные.

Опыт нового определения романа-хроники применим не только к литературе прошлого. Данная проблематика тесно связана с общими вопросами теории романа и с его развитием на современном этапе. Концепция „автономного“ потока художественного времени соединяет роман-хронику со стремлениями романистов XX века.

Современное состояние социалистической прозы свидетельствует о том, что нельзя игнорировать и идейно-тематическую основу русского романа-хроники. Русская советская проза 70-х и 80-х годов исходит зачастую из идей и форм, выработанных в романе-хронике XIX века. Экологическая проблематика, отраженная

в „деревенской“ прозе, опирается на темы и мотивы русского романа-хроники. Представители „экологической и нравоописательной ветви“ современной русской прозы, в том числе В. Белов, В. Распутин, В. Солоухин, Е. Носов, В. Шукшин, Ф. Абрамов и В. Личутин, называют авторов романа-хроники своими прямыми предшественниками. Проблемы отношения современной советской прозы и романа-хроники касаются более общего вопроса о новаторстве и традиции, который выходит, однако, за рамки предлагаемой работы.